

Властелин слов

Леониду Леонову — 85 лет

В личной библиотеке Максима Горького хранится издание романа Леонида Леонова «Барсуки», вышедшее в свет во Франции в начале тридцатых годов. Предисловие к этой книге написал Алексей Максимович. Представляя молодого тогда романиста зарубежному читателю, Горький отметил, что Леонид Леонов «один из наиболее крупных представителей той группы современных советских литераторов, которые продолжают дело классической русской литературы — дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Льва Толстого». Максим Горький обратил внимание на особенность автора «Барсуков»: «Если у Толстого возможно сказать, что он «ковал свои книги из железа», а Тургенев отливал свои из меди и серебра, то — Леонов работает очень сложным сплавом металлов». Пестователю молодой советской литературы «вполне сознательно», провидя будущее, измерял художественный мир Леонова «столь высокой мерой». Уже были написаны «Вор» и «Соты». Но далеки еще были тогда сороковые годы, когда в огне войны родилась повесть «Нашествие», одно из ярких и самобытнейших явлений нашей драматургии. Слова в «Нашествии» не произносятся, а живут и цветут, покоряя зрителя силой правды и чувства. Еще не сошли с кончика трепетного пера памятные всем статьи военных и послевоенных лет. Читателю еще предстояла встреча с «Русским лесом» — романом, отлившим современность в эпических образах-символах, запечатлевшим философию истории страны и народа.

Критика наших дней часто пишет о своеобразии стиля Леонова, памятуя высказывание Максима Горького о том, что романист пользуется словом, как живописец краской. Дело же, однако, в том, что через всю жизнь пронес Леонов восхищение личностью Горького, навсегда избрав его в учителя невидуманной действительности.

Размышляя о пути Леонова, мы можем сказать о нем как о творце, воплощающем в себе новый тип художественного мышления, соответствующего эпохе небывалых социальных потрясений и исканий. Истоки стиля — «сложного сплава металлов» — открываются нам в духовном мире писателя, напряженно, на протяжении десятков лет размышляющего о человеке, в борьбе пути, об испытании временем. Совершенно особым рубежом была Великая Отечественная война. Недаром в последнее время художник постоянно возвращается к мысли о том, что именно в годы войны мы заново познали свой народ, постигли его величие.

К автору «Вора», «Дороги на океан», «Нашествия», «Русского леса» трудно подходить с обычными мерками. Сегодня это особенно очевидно. У него все на свой лад. Его «малая родина» — Москва, являющаяся сама по себе, как бы мы ее ни измеряли во времени и в пространстве, — необычным миром. С давних пор известно, что город «на семи холмах» подобен книге, страницы которой заполняют поколения за поколениями. Свой сборник «Статьи военных лет», изданный «Правдой» в 1946 году, Леонов открыл вдохновенным словом о столице, написанным и опубли-

кованным на газетных страницах, когда осатанелый враг рвался к городу: «Москва! На картах мира нет для нас подобного, наполненного таким содержанием слова». Из далекой фронтовой дали возникают леоновские картины ноября сорок первого года: «Ровный чистый снег ложится на поля... Один на один бьемся мы с бедой, грозящей всему свету. Все умное и живое, затаив дыхание, следит за эпизодами беспримерной схватки, потому что здесь решается судьба человечества...»

Образ Москвы постоянно присутствует на страницах леоновских книг. Дыхание великого города ощущается даже там, где действие разворачивается далеко от столицы. Откроем первую, читанную еще Горьким, страницу «Барсуков»: «Прикатил на Казанскую парень молодой из Москвы к себе на село, именем — Егор Брыкин, званьем — торгаш. На Толкучем в Москве ларь у него, а в ларе всякие капризы...». Чисто и плавно льется московская речь, вызвавшая некогда восхищение Пушкина.

Исследователи еще сопоставят многонаселенные и сложные по композиции и течению времени леоновские романы с архитектурой и живописью. Теперь же вполне уместно напомнить о том, что, возвратившись в пенаты после гражданской войны, будущий писатель — он служил в дивизии, шедшей через Сиваш в Крым на Врангеля, — оказался в кругу людей, оставивших неизгладимый след в истории культуры страны. Недаром говорят: скажи мне, кто твой друг... Многие в Москве двадцатых годов знали его отца, жившего в ту пору на Сиваше, одного из тех, кто некогда создал Суриковский литературно-музыкальный кружок, объединивший стихотворцев из народа. В «Красном воине», где Леонов являлся секретарем редакции, его соседом по комнате был Дмитрий Андреевич Фурманов. Одним из первых начал печатать молодого автора издатель Михаил Васильевич Сабашников, окруженный постоянно представителями книжной Москвы. Пригласил его сотрудничать А. К. Воронский — редактор «Красной нови», критик и партийный деятель. Появление Леонова в печати одобряли Луначарский и Фрунзе. С первых писательских шагов постиглась нелегкая истина — написанная страница должна быть лестницей, по которой читатель должен спуститься в самые глубины, чтобы увидеть суть событий, побывать как бы внутри самого предмета.

Особое значение имели для Леонида Максимовича ночные бдения в Трубниковском переулке, где жил Илья Семенович Остроухов, друг П. М. Третьякова, ученик Репина. Увлечательно сопоставить «пейзажи настроения» Остроухова с леоновскими видами природы. В них много общего: мягкость, лиризм, тютчевская философичность. Как напоминание о встречах в Трубниковском поныне в рабочем кабинете писателя висит «Сиверко» — авторское повторение, подаренное Остроуховым внимательному и талантливому молодому собеседнику. В свое время Остроухов входил в абрамцевский кружок, с которым связаны имена Врубеля, Васнецовых, Серова, Коровина, Нестерова... Таким образом, Ле-

онов, высоко ценивший Остроухова как человека тонкого художественного чутья, получил из первых рук духовное наследие старого культурного гнезда, в стенах которого еще в девятнадцатом веке звучали голоса Гоголя, Щепкина, Тургенева, Аксаковых. Присущая Леонову культура стиля нашла горячую поддержку со стороны Остроухова. Илья Семенович, вспоминая Леонова, старался быть точным во всем и учил ставить на место не только точку, а там, где нужно, непременно точку с запятой.

Обозревая свою жизнь — с молодых ногтей до наших дней, — Леонид Максимович говорит, что у него ничего не было, кроме стола и работы. Если же толковать начистоту (молодым трудно представить аскетическую скромность давних лет!), первые рассказы были написаны даже не на столе — за отсутствием такового, — а на листе фанеры, который лежал на коленях.

Леонов издавна исповедовал истину: художника создает труд. Я пишу, отметил он однажды, карандашом, медленно и мелким почерком, чтобы видеть всю конструкцию, всю структуру абзаца в целом, пишу и стираю до тех пор, пока страница не выйдет чистой, без помарок.

Поразительна афористичность леоновской речи, всем нам ее еще постигать и постигать. Приведу несколько изречений, которые не худо запомнить каждому:

— Общеизвестно, что большой патриотизм начинается с малого — с любви к тому месту, где живешь;

— Я бы сравнил советскую книгу с буром и лопатой. Они работают во имя преобразования земли, как книга — во имя преобразования человеческой души;

— Настоящий, большой писатель может родиться лишь из большого человека;

— Когда народ движется к своим историческим целям, его всегда больше, чем можно сосчитать глазом. Вместе с ним идут духовные предшественники его героев и гениев...

Леониду Максимовичу Леонову — 85 лет. Его и поныне отличают живость характера, жадный и деятельный интерес к окружающему, подвижность и благородная естественность. В разговорах он постоянно подчеркивает, что высоко ценит в людях мастеровитость, умение быть мастером, умным работником. Сам он умеет и делает многое и как-то полущути, конечно, сказал, что перо — это только одно из его рабочих орудий наряду с молотком и рубанком, лопатой и мотыгой. С юношеских лет увлекался Леонид Леонов резьбой по дереву, создавая миниатюрные скульптуры. В подарок Максиму Горькому он вырезал из можжевельника-лесовика с помощью простого ножа. Недавно он мне показал свои пейзажные фотографии, целую сюиту, им может позавидовать любой из прославленных мастеров фотоискусства. О леоновской коллекции кактусов известно в Москве, да и за ее пределами довольно широко. В послевоенные годы из заграничной поездки писатель привез снятый им фильм «Леса Индии».

С трепетом подхожу я к книжным полкам его библиотеки. Леонов придерживается правила: книгу надо выбирать так, как выбираешь невесту.

Ему дарили книги выдающиеся мыслители, политические деятели, крупнейшие писатели и художники мира. Он постоянно и много читает, но не является книголюбом. Одна из книг создается им самим на протяжении десятилетий с помощью друзей — писателей и художников. Он убежден, что писатель должен уметь делать все: написать роман или пьесу, подписать под газетным клише, рассказ, передовую статью.

Легкий на ногу, он прогуливается по зеленому аллею Перedelкина, работает в саду, принимает лесоводов, артистов, литераторов, студентов. Редкое наслаждение слушать его речь. И в этом он напоминает знаменитых разговорщиков, съезжавших некогда в Абрамцево. А его публичные выступления — речи в защиту мира, о любимых писателях — Гоголе, Чехове, Горьком, — они стали событием в духовной жизни страны. Его письма — великолепные образцы эпистолярной прозы. Когда-нибудь они составят внушительный том, а может быть, и не один. Всем памятна его письма и печатные выступления в защиту леса, да и всей природной окружающей среды. Приведу небольшой, но характерный пример. В одной из газет несколько лет назад была опубликована заметка под названием «Судьба сосны»: «Любопытная переписка о самочувствии... сосны, выросшей в вологодских лесах, завязавшая у рабочих Монзенского леспромхоза с писателем Леонидом Леоновым. Началась эта история свыше трех десятилетий назад. Посетив Вологодчину, автор «Русского леса» обратил как-то внимание на красавицу сосну, росшую на делянке, где вел разработки местный леспромхоз. Леониду Максимовичу так приглянулся этот зеленый великан, что он попросил лесорубов не трогать дерево. Просьбу писателя охотно уважали. Когда предприятие отмечало свое пятидесятилетие, его коллектив получил от Леонова приветственную телеграмму. Поздравив друзей, он попросил их сообщить, как поживает та самая сосна. К ответному письму рабочие приложили фотографию: над порослью молодого леса, как патриарх, оберегающий свое потомство, высится могучее дерево. Это и есть «сосна Леонова».

Талантливый человек талантлив во всем. Недаром Максим Горький любовно и уважительно называл Леонова «мастером своего дела». И сегодня он — за письменным столом, с молодой энергией склоняется над листами бумаги, памятуя о том, что новая книга — взгляд в будущее. По признанию самого Леонова, он работает все время, где бы ни находился. Он изучает, наблюдает, формулирует, руководствуясь убеждением, что дело писателя — делать человека лучше.

Евгений ОСЕТРОВ.